Давно это было. Жил-был великий царь по имени Викрамадитья. По всему свету шла о нем слава. При его дворе все были равны – и князь, и нищий. Он неустанно заботился о благе подвластного ему народа. Одевшись в простую одежду, он тайком бродил по всему царству и наблюдал жизнь простых людей со всеми их радостями и горестями. Правление Викрамадитьи – царя справедливого и милосердного – вызвало зависть даже у Индры. Пришел Индра к Бхагавану – всевышнему – и стал жаловаться:

– Бхагаван! Викрамадитья – лицемер. Он вводит людей в заблуждение: говорит, что больше всех хочет им добра.

– Ты неправ, Индра! Во всем мире нет такого праведного царя, как Викрамадитья,– ответил Бхагаван.

– Тогда, Бхагаван, устрой ему испытание.

Бхагаван согласился. Он принял облик мастера-ваятеля и явился ко двору Викрамадитьи. Стал он показывать царю свои статуи: Шиву и Парвати, Криятну, возлежащего на многоглавом змее бога Вишну,– и были они одна другой краше. Покорили статуи Викрамадитью – ему таких раньше видеть не доводилось. Купил он все до одной, не торгуясь. Под конец вынул ваятель из котомки блестящую железную статуэтку, показал ее царю и говорит:

– Махарадж! Сделайте милость, купите и эту мою работу.

А статуэтка та была бога Шани – Сатурна, чей дурной глаз всем известен. Только внесли ее во дворец – вся роскошь убранства рассыпалась в прах. Ярость Шани обрушилась на статуи Шивы и

Парвати, Вишну и прочих богов и разнесла их в куски. Над страной поднялись раскаленные тучи песка, опалили сады, сожгли урожай на полях, иссушили пруды и колодцы. Царское войско восстало и переметнулось к врагу. Страна, где, казалось, золото падает с неба, обратилась в пустыню.

Царица встревожилась.

– Возможно ли нам оставаться здесь дальше, мой господин? – спросила она у царя. – Лучше поедем в мой отчий дом. Там хоть не будет заботы о хлебе насущном.

– Ты поезжай к своим родителям,– ответил ей Викрамадитья с грустной улыбкой. – А с каким лицом я переступлю теперь их порог? Мне лучше остаться здесь и уповать на всевышнего. Кому дома почет, тому всюду почет. Чем бесчестьем хлеб добывать, лучше уж с голоду умереть.

Огорчилась царица и говорит:

– Махарадж! Где вы, там место и мне. Как могу я бросить вас и уехать одна? Но ведь и здесь нам не житье.

– Это правда,– сказал Викрамадитья. – Пойдем отсюда в чужие края. Будем сами на хлеб себе зарабатывать.

– Хорошо,– согласилась царица. – Сегодня же ночью уйдем потихоньку отсюда.

Темной ночью царь и царица отправились в путь. Некто их не провожал, никто не сказал им вслед доброго слова. Шли они, шли, покуда ноги не отказались нести их. Видят – стоит хижина у дороги. Набрались они смелости, подошли к дверям, постучались. Послышалось за дверью ворчанье, и отворила старуха. Спрашивает их неприветливо:

– Ну что? Чего вам? И ночью спокойно поспать не дадут.

Царица робко говорит:

– Матушка, мы попали в большую беду. Пусти нас заночевать. С рассветом уйдем.

Да что старухе до тревог царя и царицы! Она на них закричала:

– Пустить вас па всю ночь? Ишь, важные гости! Идите своей дорогой. Здесь вам не караван-сарай.

Ответила так и дверь заперла. Царь с царицей оторопели. Поневоле пришлось им лечь спать на пустой желудок прямо под деревом. От голода у них сводило нутро, от холода била непрестанная дрожь. Сжались они комочком, коленки к животу подобрали и промаялись кое-как до утра, а на рассвете поплелись дальше. Шли они так день за днем и пришли в большой город. В том городе строили царский дворец в семь этажей. Работало там множество местного и пришлого люду. Вот и нанялись царь с царицей носить известь и кирпичи. Целый день обливались они кровавым потом и за то получали свой кусок черствого хлеба.

Бхагаван видел бедствия Викрамадитьи, и стало ему его жаль. Он сказал Индре:

– Хватит, Индра! Кончено испытание.

Но Индре показалось этого мало. Он возразил:

– Бхагаван! Что это за испытание? Дай ему что-нибудь потяжелее.

Опечалило Бхагавана бессердечие Индры, но он захотел показать ему величие человека, одушевленного верой. В облике брахмана он явился к дверям хижины, где жил Викрамадитья, и стал слезно молить:

– Я бедный брахман. Завтра у моей дочери свадьба, а в доме ни зернышка нет – нечем встретить

гостей. Пришлось идти побираться. Подай хоть чего-нибудь. Бхагаван тебе сторицей воздаст.

Что тут было сказать Викрамадитье?

– Я рад бы подать тебе, господин,– ответил он. – Да было бы что. Если примешь мой труд, я готов тебе послужить.

А царица стояла рядом и все это слышала. Глаза у нее застлало слезами. В первый раз случилось такое, чтобы проситель уходил от их двери с пустыми руками. Стерпеть это она не могла. Она вышла к царю и сказала:

– Подождите! Мы не нищие. Вот, возьмите мое ожерелье. Мы все потеряли, но ожерелье осталось для дочери брахмана.

– Это ожерелье ты получила от матери. Оставь его у себя! – воскликнул Викрамадитья.

Царица улыбнулась в ответ:

– Я хранила подарок матери до нынешних дней, а теперь я сама дарю его своей названой дочери.

От блеска алмазов и самоцветов брахман зажмурил глаза. Великодушие царицы поразило его. Но он не нашел в себе духа не принять дар и унес ожерелье, благословляя царицу.

Кончался двенадцатый год с той поры, как царь и царица стали носить известь и кирпичи, а они по-прежнему пребывали в бедности. От работы руки у них покрылись мозолями, ноги были изъедены язвами, тела исхудали. Однажды трудились они как всегда, и один каменщик их узнал, только виду не подал – не хотел царя тревожить напрасно.

– Братец! – спросил он. – Слыхал ты, какое дело?

– Какое? – спросил Викрамадитья. Тот рассказал:

– За пятьдесят косов отсюда есть одно царство. Тамошний царь покупает у людей их заслуги. Если ты сделал в жизни благое дело, пойди туда и продай его. Я правду тебе говорю – заработаешь разом большие деньги.

Вздохнул Викрамадитья и говорит:

– Братец, это не для меня. Будь мне на роду написано счастье, с чего бы судьба лишила меня всех тех богатств, какими я владел дома? Ладно, дело прошлое. Что проку о том говорить.

Каменщик понял, что прошедшее ворошить – только зря мучить царя. Набрался он смелости и говорит:

– Ты меня все же послушай. Выбери час и сходи туда непременно.

– Ладно, подумаю,– ответил царь.

Каменщик-то ушел, а мысль о том, чтобы попробовать свои заслуги продать, запала Викрамадитье в душу. Вечером, как спать стали ложиться, он не утерпел и рассказал все царице. Царица обрадовалась, стала его уговаривать:

– О царь! Таких добродетелей, как у тебя, я ни у кого на свете не видела. Иди непременно и свои заслуги продай. Чует сердце, изменится наша судьба. Двенадцать лет прошло, так неужто не кончатся черные дни? Ведь мы тоже люди.

Царица встала чуть свет, собрала Викрамадитье в узелок еды на дорогу, и он отправился в путь. По дороге повстречался ему прокаженный. Тело несчастного было покрыто гнойными ранами и источало зловоние. Вокруг прокаженного вились роем мухи, и он не успевал сгонять их со своих ран. Как ни отвратен был вид этого человека, Викрамадитья проникся к нему состраданием. Он

подошел к прокаженному, омыл его раны и перевязал их лоскутами от собственного дхоти. Отгоняя назойливых мух от страдальца, он сказал ему с жалостью:

– Братец, как тебе тяжко приходится! Прокаженный ответил:

– Тяжко-то тяжко, да в том ли беда. Я с голоду ноги готов протянуть. Нет ли у тебя хоть крошки поесть!

У Викрамадитьи в узелке было четыре лепешки. «Что ж,– подумал он,– поделюсь-ка я с ним по-братски». Стал он кормить прокаженного. Две лепешки того не насытили, так Викрамадитья скормил ему и свою долю. Наелся прокаженный и долго благодарил.

Пошел Викрамадитья дальше голодный, но доброе дело придавало ему сил, и ноги будто сами его несли. Он и про голод забыл. Шел он так и вдруг нащупал у себя в узелке что-то мягкое. Тут он вспомнил, что жена положила ему на дорогу горстку муки. Он набрал хворосту, развел костер и испек на углях пару лепешек. Только поднес лепешку ко рту – подбежала собака, встала перед ним и завиляла хвостом. Викрамадитья и ей бросил лепешку. Собака – голодная, одним духом ее проглотила и опять на Викрамадитыо смотрит, будто не ела. Викрамадитья отдал ей и вторую лепешку. Убежала собака. А царь возрадовался. Выпил холодной водицы, и показалось ему, будто он сыт. И дальше пошел.

Шел он, шел и пришел к своей цели. Привратник отвел его прямо к царю. Царь протянул Викрамадитье шкатулку и говорит:

– Вспоминай теперь свои заслуги и смотри в зеркальце, что в этой шкатулке,– оно тебе все покажет.

Стал Викрамадитья вспоминать храмы, монастыри и обители, что он построил, стал вспоминать, как принимал он с почетом подвижников и святых старцев, но в зеркальце ничего не увидел. Устыдился Викрамадитья, говорит царю:

– О царь! Я совершил большую ошибку, мне не следовало сюда приходить. Нет у меня в жизни заслуг. Разрешите мне удалиться.

– Не смущайся,– сказал ему царь. – Сейчас я покажу тебе твои заслуги.

При этих словах царь открыл шкатулку и снова подал ее Викрамадитье. И поразился Викрамадитья тому, что увидел. А увидел он себя – как помогает он прокаженному и как глаза у того светятся покоем и счастьем. А еще увидел себя – как он кормит собаку. А потом увидел Викрамадитья свою царицу – как отдает она нищему брахману драгоценное ожерелье. Видел все это и царь, что скупал у людей их заслуги. Сошел он со своего трона, поклонился Викрамадитье в ноги и произнес:

– Вижу, я не напрасно родился и прожил жизнь, раз мне довелось лицезреть столь великодушного человека, как ты. За эти твои три заслуги я готов отдать тебе все свое царство.

Царь Викрамадитья словно очнулся от долгого сна. Пелена заблуждений спала с его глаз. Он понял, что и богатство, и власть, и все блага жизни ничего не стоят в сравнении с одним добрым делом. И решил он, что пусть лучше в бедности проживет весь остаток жизни, но заслуг своих не продаст. Как ни упрашивал его царь, Викрамадитья твердо стоял на своем. С чем пришел он, с тем и ушел.

Возвратился он к своей царице и видит – собрались вокруг нее его прежние приближенные. Увидели они Викрамадитью, стали молить ого снизойти к ним и снова сесть на престол в своем царстве. Долго они его уговаривали, наконец Викрамадитья согласился и на радость всем подданным вернулся вместе с царицей к себе во дворец. И вновь сады зацвели, зазеленели поля, наполнились водою пруды и колодцы. Воротилось и войско покорно служить своему властелину.

Царь богов Индра сам сокрушался о том, что он сделал.

– Воистину,– признался он Бхагавану,– нет в мире праведника, который сравнился бы с Викрамадитьей.